

БОЛЬШАЯ ПРОЗА
ДИНЫ РУБИНОЙ

Дина
Рубина

ДИЗАЙНЕР ЖОРКА

Книга вторая

**СЕРЕБРЯНЫЙ
РУДНИК**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении обложки использованы
репродукции картин *Бориса Карафёлова*

Рубина, Дина.

Р82 Дизайнер Жорка. Книга 2. Серебряный рудник / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-222014-2

Главная пружина в сюжете этой книги — Лидия, «женщина-Арлекин». Мастер татуировок, завораживающая рассказчица («Шехерезада»), она буквально поработает души и чувства двух неразлучных друзей, Жорки и Агаши.

Первая встреча героев в Бухаре будто подготовлена Цезарем Адамовичем Стахурой. Весьма опасное криминальное наследство он оставил двоим «своим детям»: Лидии, дочери умершего друга, и Жорке, которого воспитал как сына. Похищенную им уникальную коллекцию часов Абрахама Бреге умелец Цезарь Адамыч надежно спрятал в заглохшем серебряном руднике, в горах.

Этот тайник и сплетает судьбы героев в мучительный любовный треугольник. Лихорадка чувств до предела жизненного накала, многолетняя схватка бывших друзей за любимую женщину и её метания между двумя мужчинами прожигают пунктиром всё повествование и держат читателя в напряжении с начала и до конца книги.

«Серебряный рудник» — вторая книга трилогии «Дизайнер Жорка».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д. Рубина, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-222014-2

Часть
первая

Девочка

С годами всё реже снится сон: молодая летняя ночь, ледяная луна в чёрном небе жарит так, что глазам больно. И они, Лида с отцом, стоят на горной, мерцающей в лунном свете тропе.

«Здесь когда-то серебряная жила из горы выходила, богатейшая, — говорит отец. — Слитки давно выбрали, рудник заглох... — и усмехается, качает головой: — По этой дороге лет сто, наверное, руду перевозили. Толкаешь тяжёленную тачку, не смотришь, что на землю просыпалось...»

И правда: дорога сияет, как дорогая парча, свивая меж гор голубые змеиные кольца. Где-то на порогах громыкает река, травный воздух аж звенит в висках, звёзды дробятся и вспыхивают, одна ярче другой, и кажется, что небо ходуном ходит, а серебряная дорога рвётся ввысь: вскочи на неё, и до самой луны добежишь.

Лида опускается на корточки и, как землянику в лесу, собирает в пригоршню крупницы серебра, ссылая их в карманы своего «ромашкового» платья, а подняв голову, замечает, что и папино лицо светится под луной.

«Папа! — говорит она, замирая от восторга, — у тебя серебряное лицо!» И плачет в счастливой сно-

8 *видческой яви: она-то считала, что отца давно нет, а вот же он, стоит, улыбается!*

Странно... Отец умер так давно, а сон этот всё мучил её временами. И больше всего озадачивало папино лицо: оно постоянно менялось в дымном свете бегущей луны, хотя и неизменно сияло ей благостной улыбкой, как лики святых на иконах. Ох, папа, ты был так далёк от святости! Впрочем, вся твоя жизнь связана с иллюзиями...

На этом горном перевале давнего сна она всегда просыпалась в слезах, и всегда в объятиях, которые не спутала бы с другими. Удивительно, как он успевал услышать её скулёж, мгновенно очнуться и крепко притиснуть её к себе.

*«Хазарин, — говорила она, елозя мокрой щекой по его груди. — Как ты слышишь, что я плачу во сне?»
«Да я же весь в луже, — отвечал он, — тут попробуй не проснись».*

Это была его шутка, а шутил он не часто. Не располагал к веселью ни склад его характера, ни крой внешности: резкие носогубные морщины у рта, вертикальная трещина между бровями, крупный нос с широкими ноздрями и жёсткие усы «колхозника», которые, несмотря на её уговоры, он не желал сбривать из-за шрама на верхней, зашитой в детстве губе.

Она и сама с ним почти не шутила. Весела она бывала только с Агашей.

С Агашей всегда было так потешно! Вечно им на глаза попадались забавные люди, и вечно сами они становились героями дорожных анекдотов. Он вступал в разговоры с первыми встречными идиотами, разыгрывая персонально для неё целые спектакли. У него были

явные способности комика, и при ней он эти способности запускать на всю катушку, — так юнец в азарте выжимает из своего мотороллера бешеный рёв.

С первой минуты, как он сжимал её в свирепых объятиях с этим «бармалейным» выражением лица, праздник жизни распахивал кулисы: всё складывалось идеально, всё подворачивалось вовремя, они всюду успевали. В захолустной лавочке сельской Англии или на повороте дороги горной Испании обнаруживалось нечто поразительное; в любой харчевне, выбранной им, оказывалось изумительно вкусно, а на развалах блошиного рынка португальского городка он выторговывал у местного старика почерневший подсвечник за двадцать эскудо, и после основательной чистки на том проступала кудрявая монограмма с гербом Жуана V Великодушного.

Вообще, они были яркой обаятельной парой, это и случайные попутчики отмечали: «Вы такая красивая пара!»

Когда она рассказывала свои «истории из детства» — эти по-своему грациозные, хотя и дикие, как из фильмов ужаса, «страшилки бухарской махалли», — Агаша хохотал, крутил кудрявой головой и влюблённо говорил: «Брешишь!» Она топала ногами, грозно тарача глаза, но не выдерживала, сама покатывалась со смеху. Падала на спину, разбрасывая руки во всю ширину кровати, подставляя лицо, шею, грудь под его губы...

Им так весело, так легко было вдвоём!

...Тогда почему, чёрт возьми, в конце восхитительного путешествия или уже по возвращении «домой» (где бы этот дом ни находился) она тайком убежала на ближайшую почту и там, покусывая карандаш, писала ко-

10 роткую вопящую телеграмму из одного слова: «Хазарин воскл.воскл.воскл». (С наступлением эры всепланетной достижимости просто выкатывала в телефоне длинный ряд грустных эмодзи с опущенными уголками рта и крупной слезой на скуле.)

И тогда тот, другой, — не смешной, не забавный, — срывался и приезжал туда, где предполагал, вернее, вычислял их застать.

Добравшись, никогда не стучал, никогда не звонил в дверь, подолгу стоял, с мучительным сердцебиением вслушиваясь в голоса по ту сторону своей тоски. Затем сбегал по лестнице вниз и часами следил из-за угла, в стиле бездарных детективов, дожидаясь, когда Агаша выйдет из подъезда, сядет в машину и стартует в рабочий день. Тогда одним махом взлетал по пролётам лестниц и неотрывно жал на кнопку звонка или с размаху бил кулаком в дверь, будто хотел её проломить. Та распахивалась, и... заплаканная, повинная Лидия бросалась ему на грудь со сдавленным воплем «Хаза-арин!!!».

Её рюкзак обычно бывал уже сложен: она и сама неплохо высчитывала, сколько часов займёт его путь. Оставалось лишь подхватить, стащить её, всю в покаянных слезах, по лестнице, загрузить в машину и вдавить по газам...

...Зачем, впрочем? Зачем — по газам, спросим мы с печальной улыбкой. Что за спешка, что за надрыв? Агаша никогда не пускался в пошлую погоню. Он только напивался в этот вечер до соплей или до драки с кем-нибудь невинным, кто случайно подвернётся под руку, или до презрительного монолога перед зеркалом. А больше и ничего, совсем ничего. Навсегда.

Это и было его настоящее единственное «навсегда». Ибо одна только ненависть выжигала его нутро. Эта ненависть диктовала ему короткое решительное письмо — не проклинаящее, боже упаси, будь проклят тот, кто прокликает женщину! — отпускающее: прощай, моя радость, и так далее. Но только прощай уже наконец, проклятая тварь расписная, дьяволица рыбнадзорная. Моё мучение, моя девочка, моя неизбывная любовь...

Глава первая

ОТЕЦ И ДОЧЬ

1

Бабка, рыжеволосая голубоглазая казанская татарка, была красивой до оторопи. На довоенном фото — просто Марлен Дитрих, и брови так же высокомерно вздёрнуты, и губы прорисованы бабочкой.

Двенадцати лет её выдали замуж за ташкентского муллу, второй женой.

— Ты же говорила — четвёртой! — возмущённо кричит Лида тётке Анжеле. — Что ж ты показания меняешь!

— Какие показания, — отмахивается та, — тоже мне, следователь. Да и какая разница — вторая, четвёртая. Главное, у неё, у Эльвиры нашей, были прекрасные отношения со свекровью и со старшей женой. Она ещё и покрикивала на них, если что не по ней.

Папину сестру — тётку Анжелу — хлебом не корми, дай потоптаться на живописной биографии бабки Эльвиры. Ещё бы: это ведь бабка «с другой стороны», со стороны Лидиной мамы. Ух, и ревнивая тётка Анжела! Она якобы о бабке рассказывает, но невзначай, нет-нет и маму заденет, с этим своим елейно-смирненным «Ирочка-покойница...». Лида

всё это ненавидит, но тётку не прерывает. Это как расчёсывать укусы комара: мучительно, но оторваться невозможно. 13

— А мулла был человеком просвещённым, хотя и рассеянным, увлекался астрономией, суфизмом, и, если начистоту, у него и до первой-то жены руки не доходили.

— Руки...

— Не придирайся к словам! Короче, не трогал он девчонку до её женского возраста, учил математике и арабскому. Подарил велосипед.

— Что?! Как... велосипед? — Лида теряется. Представить себе, как девчонка гоняет на велосипеде по дореволюционному Ташкенту, она не могла, хоть режьте. — Разве в те времена были велосипеды? У муллы?

Были-были, оказывается. Именно у муллы был такой вот велосипед, фирмы Rover, с двумя колёсами одинаковой величины, с цепной передачей на заднее колесо, выписанный из Бирмингема английским инженером, работавшим на одной из туркестанских текстильных фабрик. Возвращаясь в свой Бирмингем, этот «мистер-твистер-инженер» (имя затерялось за ненадобностью и непроизносимостью) подарил велосипед мулле, с которым все эти годы вёл продолжительные и мудрёные богословские диспуты. Мулла же, будучи знатоком Закона, но человеком мягким и добрым, посадил на велосипед свою вторую девочку-жену — пусть, мол, катается пока малышка!

— До женского возраста? — уточняла Лида.

— Ну да, — легко отзывалась тётка Анжела, снимая шумовкой мясную пену и стряхивая её в мы-

14 *сочку*, эмалированную, голубенькую, слегка прокажённую: с двумя сколами эмали на боках. — Пусть, мол, ребёнок катается, пока краски не показались... Но она и позже плевала на всех и продолжала гонять на велике по всему городу. Такая без-ля-ля-берная! И мулла ей был не указ.

Тётка Анжела живёт в доме своих родителей, в огромном дворе, в старой махалле, где и папа вырос. «В дедовском и отчем доме!» — подчёркивает она. Папа не захотел тут жить «после трагедии», а тётка сказала: где-то же надо жить, мать вашу, почему не в дедовском доме, среди собственных детских воспоминаний?

— И никакой мне трагедии-шмагедии, точка! — раздражённо добавляет она в сотый раз, но сразу и спохватывается: — Господи, что это я! Трагедия, конечно, немалая — вот так за месяц обоих родителей потерять, но я о Генкиных бреднях. Это всё его манера: Эсхил, Софокл, Еврипид... Рок всемогущий. И давай страсти-мордасти по сцене размазывать. Нормальный мужчина пойдёт сегодня в театральный институт?

— Театрально-худо-жест-вен-ный!!! — возмущённо кричит Лида. — Не передёргивай!

— Ну, художссный, не ори... — И поясняет слегка виновато: — Мама, конечно, умерла рано. Пятьдесят два года, эт совсем не возраст. Но рак ведь тебя не спросит. Болезнь лютая: она твоим мнением не интересуется, ни с кем не сторгуется, всех подгребает. Намучилась мамочка, бедная, что там говорить, и нас всех намучила. Так что, когда ушла, все скорбели, но с лёгкой душой: судьба есть судьба, с ней не поспоришь.

— А дедушка Паша тоже с лёгкой душой скорбел? — с невинным видом спрашивает девочка. Подбирается с тылу: сейчас ка-а-ак врежет: — И с лёгкой душой утопился?

Пусть тётка покрутится, пусть поорёт, размахивая шумовкой.

Но та начеку, пройденный материал вызубрен назубок.

— Что ж ты душу грызёшь, а?! — вскрикивает она. — Папа плакал, да, горевал... Но он был жизненным весёлым человеком. Какие он маме стихи сочинял — уписаешься со смеху: «Убери свой нос! Дай мне пройти! Твой нос лежит! На моём пути!..» — Тётка приближает к Лиде собственный немалый нос, унаследованный «от мамочки», и грозно чеканит каждое слово: — Да за ним бабы в очередь уже стояли — скорей окрутить вдовца. Верно говорят: уходит муж — остаётся вдова. Уходит жена — остаётся жених.

Она умолкает. Но с Лидой шутки плохи.

— И?! — подгоняет девочка. — Чего ж он ждал, наш весёлый дед? Для чего в тот арык полез, с камнями за пазухой?

Ну, это она зря... Это она палку перегнула, конечно. Сейчас тут такое начнётся! И да, начинается:

— Да он на рыбалку поехал!!! — кричит тётка Анжела. — Он же рыбак был очумелый! И всегда на тот арык ездил! Всё же просто, зачем сплетни разводить: крючок за корягу зацепился, папа вошёл в воду отцепить его, поскользнулся, ударился о камень головой, потерял сознание и... и всё! — кричит она.

— Ну да. Это он от рассеянности нагрузил всю пазуху камнями, чтобы не выплыть.